

Кузнец Базим

Всем известно, что славный калиф Гарун Аль-Рашид имел обыкновение ходить ночью по улицам Багдада: обыкновение весьма полезное для тех калифов, которые любят порядок, и хотят, чтобы в столице их наблюдаема была строгая полиция. Итак, в одну ночь калиф Гарун Аль-Рашид, великий визирь его Гиафар, и первый смотритель над черными евнухами Мезрур, прохаживались по улицам Багдада. Приблизившись к одной хижине, бедной и низкой, услышали они, что кто-то распевал в ней очень весело и громко. Постучи в двери, сказал калиф Мезруру — Мезрур начал стучаться — певец замолчал. «Кто стучит? Кому до меня дело?» спросил у них сердитый голос. — Мы чужестранцы, сказал Гиафар, заблудились; ночь темная; становится поздно; боимся дозора; нельзя ли дать нам пристанище на одну только ночь? — Не пушу, отвечал им тот же голос: вы плуты! хотите отужинать у меня даром, и для того рассказываете мне басни. — Калифу показалось такое приветствие очень забавным. Гиафар продолжал стучаться и просить ночлега; наконец дверь отворилась и хозяин, нахмутив лоб, сказал им: «Войдите, неотступные! Но с уговором, не сказывать обо мне товарищам вашим, багдадским бродягам». — Они вошли и увидели человека лет сорока, плотного, здорового, с полными, румяными щеками; он сидел один за столом, уставленным блюдами и бутылками. — «Кто вы?» спросил он, не вставая с места. — Муссультские купцы — отвечал Гиафар — мы в первый раз от роду приехали в Багдад по торговым делам. А ты что за человек? Если позволено спросить, какое твое ремесло? Чем ты живешь? — Хозяин заставил их побожиться, что они не будут никому разглашать о том, что от него услышат, и отвечал: «Я кузнец Базим; живу своей работой; каждый Божий день моя усердная наковальня дает мне пять диргемов; кую железо от утра до вечера, а всякий вечер на два из вырученных пяти диргемов покупаю мяса, на один плодов, еще на один свечу, и наконец на последний вина; сам стряпаю себе ужин, ем и пью со вкусом, и не угощаю никого; а за столом пою для приправы песни — такую жизнь веду я более двадцати лет, не заботясь о завтрашнем дне, и будучи наперед уверен, что и завтра к вечеру найдется у меня в кармане пять диргемов на ужин». — Надобно признаться, сказал Гиафар, что ты человек счастливый; но желаю знать, что ты станешь делать, если завтра калиф прикажет запереть все кузницы? Где возьмешь хлеб, мясо, вино, плоды и свечи? — «Видите ли, что я угадал! воскликнул Базим — вы плуты или шпионы! Завтра же по милости вашей начнут говорить в городе, что я проживаю все выработанные мною деньги, что я негодяй, обстоятельный

человек! Зачем вы ко мне пришли? Что вам у меня делать? И кто мне бестолковому человеку велел вас впускать к себе в дом! Но сказываю вам наперед: если предвещание ваше исполнится, то я обойду все улицы Багдада, отыщу вас, где бы вы ни запропалились, и тогда разочтусь с вами по-своему». — Калиф умирал со смеху, смотря на забавного и грозного Базима; просидев у него часа два, они ушли. Была уже полночь, когда они возвратились во дворец.

На другой день рано поутру калиф велел обнародовать в Багдаде, что кузницы должны быть затворены целые три дня, и что кузнецам под смертною казнью запрещается во все это время приниматься за молоток. Базим очень удивился, когда, пришедши к дверям своей кузницы, увидел на них кадиеву печать, и когда ему объявили о повелении калифа. Что делать! подумал он; повесил голову, пошел вдоль по улице, и остановился напиться у колодца, принадлежавшего одной из публичных багдадских бань. Содержатель бани, старинный его знакомец, сидел тогда у колодца. Отчего так задумчив, Базим? спросил он. — «Будешь задумчив, отвечал Базим, когда принуждают тебя целые три дня поститься! Ты слышал о запрещении калифа. Чем буду себя кормить без молотка и наковальни?» Твоему несчастью помочь нетрудно, сказал Базимов знакомец — у меня готова для тебя работа: вот гребень, суконка, мыло и полотенце, приходи в мою баню чесать и обмывать правоверных мусульман, и будешь с обедом и ужином. — Базим, отблагодарив услужливого знакомца своего, начал с великим усердием чесать и обмывать правоверных мусульман, и еще прежде захождения солнца выработал пять диргемов.

Увидя у себя в руках деньги, он бросил и гребень, и мыло, и суконку, и побежал на базар покупать припасы для ужина. В обыкновенное время сидел он уже опять за столом, и пил свое вино, припевал такие же веселые песни, какие пел и вчера, и всякий Божий день. Калиф, любопытствуя узнать, что делает новый его знакомец, сказал Гиафару и Мезруру: пойдем навестить кузнеца Базима. Приходят к дверям его хижины и слышат, к великому своему удивлению, что Базим — поет. Гиафар начал стучаться. Базим, который допивал уже последний стакан вина, выглянул в окно, узнал вчерашних своих гостей, и отворил дверь. — «Опоздали, милостивые государи, сказал он им, я кончил свой ужин!» — Мы пришли к тебе не ужинать, отвечали мнимые купцы, а только узнать, что с тобою сделалось после калифова запрещения. — «Не правду ли я говорил, воскликнул Базим с сердцем, когда уверял вас, что вы проклятые вещуны! Вы напророчили было мне голодную смерть! Но Бог велик!... На столе у меня опять столько же хлеба, вина и плодов, как и вчера! Вам однако не удастся отведать их. Двадцать лет как я живу один, и еще ни разу не было прихлебателей за моим ужином».

Калиф и Гиафар успокоили Базима, говоря, что посещают его единственно для удовольствия слушать его разговоры. Базим, который был от природы словоохотен, рассказал им за тайну, каким образом он заработал пять диргемов на ужин. "Не полагайся на завтрашний день, Базим, сказал опять Гиафар — калиф может запретить завтра и бани, как нынче запретил он кузницы. — «Провались ты, вещий колдун! загремел Базим, вскочив со стула: за чем ты приходишь портить мой сон своими проклятыми предсказаниями, которые сбываются!» — Калиф смеялся от всей души. В полночь они опять расстались.

На другой день также рано поутру публичные крикуны возвестили народу, что бани по приказанию калифа запираются на три дня. И в самом деле три главные багдадские бани: Калифа, Забеидина и Гиафара затворены были прежде всех; по примеру их затворились и прочие. Народ роптал. Дай Бог здоровья калифу — говорили жители Багдада — вчера приказал он запереть кузницы, нынче затворил бани, а завтра может быть рассудит запереть пекарни и бойни! Не худо было бы ему припереть нам и язык, иначе мы не перестанем жаловаться и называть его сумасбродом. — Никто не воображал однако, чтобы все эти несчастья происходили от бедного кузнеца Базима.

Что делал в это время Базим? Он был в отчаянии, не знал на что решиться, сидел поджавши руки в углу своей лачужки. Пробыло двенадцать часов, а он еще не выдумал средства, как выработать пять диргемов на ужин. Вдруг вспомнил он, что между старым платьем, доставшимся ему от покойного отца, находился и полный убор полицейского солдата. Прекрасная мысль! воскликнул Базим; и вмиг явился в образе служителя полиции на одной из площадей багдадских. К нему подошла пожилая женщина, будучи уверена, что он настоящий солдат, она сказала ему: представь мужа моего к кадию! Базим потребовал за труды два диргема и получил их. Он побежал к обвиняемому мужу, велел ему от имени кадия за собою следовать, но дорогою возвратил ему свободу, взявши с него три диргема. Довольный удачею, опять побежал он на базар, купил нужные для ужина своего припасы, скинул полицейской убор, и лег спать в ожидании вечера.

Ввечеру явился калиф с Гиафаром и Мезруром. Опять удивились они, услышав, что их знакомец ужинает и поет по-прежнему; но Базим, увидев их, очень нахмурился, долго не хотел отворять дверей; наконец, по усиленной их просьбе, отворил и сказал им с забавною досадою: «Отвяжетесь ли от меня, государи мои? За что вы мучите меня своими посещениями? С той самой минуты, как я узнал вас на свое несчастье, все идет наыворот; кузницы и бани запираются! Когда бывало это в Багдаде? Конечно вы колдуны, или

переодетые шпионы!» — Так гневался Базим; но два или три ласковых слова успокоили его, ибо он имел доброе сердце и любил поговорить кое о чем, если только не трогали его ужина.

Он не мог удержаться, чтобы не рассказать своим посетителям опять за тайну о том, что с ним случилось: как он нашел платье полицейского солдата, как, за неимением стального лезвия, всунул в ножны своей сабли березовую палку, как выработал свои пять диргемов и прочее. Ремесло полицейского солдата мне очень нравится, прибавил он, и завтрашний день намерен я выйти на площадь в таком же уборе, как и нынче. — Калиф и его товарищи похвалили благоразумное намерение Базима. Этот вечер провели они очень весело.

На другое утро Базим выходит из дому в одежде полицейского, опоясанный прародительскою саблею. Между тем калиф приказал уже, чтобы публичные крикуны объявили всем полицейским той части, в которой находилась и хижина Базима, что калиф требует их во дворец для раздачи им денежного награждения. «Слава Богу! Я начинаю новую должность свою очень счастливо!» сказал Базим, который не утерпел, чтобы не пойти во дворец вместе с другими. Их всех поставили в ряд. Базим был последний. Явился калиф. Каждого из полицейских начали вызывать по имени; они приближались к калифу, получали от него положенное награждение и отходили, облобызав ноги своего государя. Базим дрожал, как в лихорадке — приближаться к калифу, с ним разговаривать, смотреть ему в лицо, какой ужас! Но сам калиф не мог равнодушно смотреть на Базима, и едва удерживался от смеха.

Наконец кликнули Базима; он упал на колени и долго не подымал головы. «Давно ли ты при полиции? спросил калиф». — Давно, повелитель. Отец мой, дед, мать и бабка и все мои праотцы были полицейскими солдатами! — "Ты получаешь жалованья по двадцати диргемов на день, не правда ли? — Правда, повелитель! но я довольствуюсь пятью. — «Искусен ли ты в исправлении своей должности?» — Искусен, повелитель! — «Посмотрим: приведите преступника; ты должен отрубить ему голову в моем присутствии!» — Базим побледнел. Преступник приведен, становится на колени, ожидает смертного удара. Скажи, что ты не виновен, шепнул ему на ухо Базим. — Я не виновен! воскликнул осужденный. О повелитель правоверных! сказал Базим, упав к ногам калифа; мы сейчас узнаем, правду ли говорит этот несчастный. Сабля моя досталась мне от праотца моего Абдула, великого чародея; она волшебная, как молния поражает она, когда надлежит казнить виновного; но если возведена будет на главу невинного, то обращается в кусок дерева. — «Увидим: руби!» — Итак, с позволения вашего величества — сказал Базим, вынимая из ножен свою

саблю. Все захохотали, увидев, что она была деревянная, калиф был доволен развязкою; он простил преступника; открыл Базиму, кто были купцы мусульские, и сделал его начальником дворцовой полиции с хорошим жалованьем.

Итак, на доске Пророка написано было, что кузнец Базим каждый день будет вырабатывать по пяти диргемов и более.